НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

ИСТОЧНИКИ СВЕДЕНИЙ О РЕЧЕВОЙ СИТУАЦИИ ОСКОРБЛЕНИЯ ПРИ РЕШЕНИИ ЭКСПЕРТНЫХ ЗАДАЧ

К.В. Шульгина

Ключевые слова: лингвистическая экспертиза, речевой конфликт, вербальное оскорбление.

Keywords: linguistic expertise, verbal conflict, verbal abuse.

DOI 10.14258/filichel(2021)2-07

В современной лингвоэкспертологии, занимающейся изучением вопросов смыслового содержания звучащих текстов в их прагматическом контексте, служащих в силу своей конфликтной семантики основанием для возбуждения следователями уголовных дел, не существует единого исследовательского подхода относительно источника сведений об объекте лингвистического исследования, методов его фиксации для представления в дальнейшем эксперту в целях производства им судебной экспертизы, составления заключения эксперта. Согласно существующим и апробированным в экспертных учреждениях методикам проведения судебной лингвистической экспертизы (см.: [Лингвистическая экспертиза текстов, 2018; Семантические исследования в судебной лингвистической экспертизе, 2018; Судебная лингвистическая экспертиза по делам об оскорблении, 2016; Типовая методика судебной лингвистической экспертизы…, 2007]) в качестве материальных носителей криминалистически значимой информации выступают:

— «полиграфические издания (газеты, брошюры, листовки и др.); рукописные материалы (письма, записки, показания свидетелей); аудио- и видеозаписи; смс-тексты; персональные страницы пользователей социальных сетей (в виде скриншотов страниц); другие материалы, относящиеся к сфере интернет-коммуникации и представленные на электронных носителях информации либо в распечатанном виде» [Судебная лингвистическая экспертиза…, 2016, с. 8];

— бумажные, фото- и видеоносители с публикациями в периодической печати, печатной или рукописной продукцией массового распространения агитационного или информационного содержания, книги или брошюры [Типовая методика судебной лингвистической экспертизы, 2007, с. 1];
— аудионосители с выступлениями на митингах, собраниях, интервью, переговорами, сообщениями и другими текстами [Типовая методика судебной лингвистической экспертизы, 2007, с. 1];
— электронные, бумажные носители и другие предметы, на которых зафиксирован текст (носители «непосредственных» объектов исследования) [Лингвистическая экспертиза текстов, ограниченно пригодных для исследования, 2018, с. 18];
— листовки, оптические диски, периодические издания, книги, флеш-накопители [Семантические исследования в судебной лингвистической экспертизе, 2019, с. 8] — любые материальные носители продуктов речевой деятельности, среди которых письменные тексты «различных функциональных стилей (художественные, публицистические, научные, официально-деловые, разговорно-бытовые); форм и жанров: статьи, книги, отчеты, надписи, жалобы, частные письма, объяснения, протоколы <…>» [Семантические исследования в судебной лингвистической экспертизе, 2019, с. 9].

Указанные методические рекомендации, используемые экспертами государственных судебно-экспертных учреждений, единодушны в определении объекта экспертного исследования — им является речевое произведение в устной или письменной форме, в том числе содержащее знаки невербальных систем («устные» и «письменные» тексты [Типовая методика судебной лингвистической экспертизы, 2007, с. 1]; высказывания как продукты «коммуникативной деятельности», реализованные в устной или письменной форме, имеющие смысловое содержание и коммуникативную цель [Судебная лингвистическая экспертиза по делам об оскорблении, 2016, с. 8]; «письменные», «звучащие (устные)», «поликодовые» (креолизованные); «электронные» тексты [Семантические исследования в судебной лингвистической экспертизе, 2019, с. 8]). К существенному же отличию относится один из методов фиксации речевого произведения — закрепление конфликтного речевого события в показаниях свидетелей.

В представляемых эксперту материалах при расследовании уголовных дел об оскорблении объект исследования, звучащее конфликтное речевое произведение (КРП), зафиксирован, если исходить из эксперт-

ной практики, двумя способами — через показания лиц, участвующих в уголовном судопроизводстве, то есть КРП представлено опосредованно, со слов допрашиваемого лица, и через непосредственную фиксацию звучащего текста на аудио-, видеоносителе.

К.И. Бринев в монографии «Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза» отмечает: «По отношению к источнику информации об объекте экспертные исследования могут быть разделены на непосредственные и опосредованные. В первом случае эксперт анализирует непосредственный источник информации (например, спорную фонограмму или спорный текст); во втором — объект анализируется через косвенные источники информации (показания свидетелей, протоколы судебных заседаний)» [Бринев, 2009, с. 49].

Противоположную точку зрения о носителе сведений о коммуникативном событии имеет Н.Ю. Мамаев. Так, в статье «Методические презумпции лингвистической экспертизы» исследователь относит к объектам лингвистической экспертизы «тексты, непосредственно отображающие речевое событие, представляющее криминалистический интерес» [Мамаев, 2008, с. 278]. С точки зрения исследователя, показания свидетелей, представляющие собой пересказ речевого события, не являются объектами исследования — эксперт не вправе делать какие-либо выводы по опосредованным источникам. В методических рекомендациях для сотрудников экспертных учреждений, дополняющих «Типовую методику судебной лингвистической экспертизы» [Типовая методика судебной лингвистической экспертизы, 2007], также указано: «В качестве объектов исследования не могут быть исследованы протоколы допросов, в которых пересказывается письменный или устный текст (утрачиваются все характеристики звучащей речи, несущие смысловую нагрузку: интонация, паузы, речевое дыхание, тембр, громкость голоса)» [Лингвистическая экспертиза текстов, ограниченно пригодных для исследования, 2018, с. 23].

Таким образом, существует два вида источников сведений о конфликтном речевом событии (КРС), выделяемых в рамках разных экспертных школ. Первый источник сведений о КРС — любой материальный носитель информации, непосредственно запечатлевший звучащее КРП, поддающейся, будучи зафиксированным на носителе звуковым сигналом, воспроизведению. Данный источник сведений о КРС является источником первого порядка, рассматриваемый экспертами ввиду сложившейся экспертной практики в качестве пригодного для проведения исследования. Второй источник сведений о КРС — носитель информации, опосредованно репрезентирующий речевое событие че-

рез показания лиц. Во втором случае КРП воспроизводится со слов участников конфликтного события — получателя и отправителя речевого сообщения, а также третьего лица, являющегося свидетелем вербального конфликта. Наиболее часто показания свидетелей, отображающие КРС, среди прочих представленных в них сведений, характеризуются экспертами как непригодные для проведения исследования и последующей дачи заключения.

В данной работе поддерживается позиция, не исключающая вероятности анализа опосредованных источников сведений о речевой ситуации оскорбления. Как показывает практика производства лингвистических экспертиз, число конфликтных ситуаций, когда удаётся зафиксировать речевой конфликт на какие-либо носители информации, невелико. В качестве объектов исследования эксперту-лингвисту в основном представляют протоколы допроса, в которых отражены показания свидетелей, подозреваемого (обвиняемого); потерпевшего или же протокол судебного заседания, составленный секретарем судебного заседания. В случае признания экспертом протоколов допроса непригодными для проведения лингвистического исследования категория уголовных дел о речевых преступлениях лишалась бы доказательственной базы ввиду «беспомощности» эксперта перед косвенными источниками информации. Таким образом, вопрос проведения лингвистического анализа по косвенным источникам информации является актуальным в сфере экспертной деятельности и уголовного процесса. Признание экспертным сообществом показаний лиц, зафиксированных в юридических документах в качестве пригодных объектов судебной экспертизы, будет способствовать квалификации преступления, без которой при расследовании уголовных дел не могут обойтись стороны защиты и обвинения.

Согласно ст. 190 Уголовно-процессуального кодекса РФ, «2. Показания допрашиваемого лица записываются от первого лица и по возможности дословно» [Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, 2020, с. 127]. Пункт 2 рассматриваемой статьи УПК РФ указывает на то, что сведения, предоставляемые в ходе допроса допрашиваемым, записываются следователем «дословно», то есть буквально. Задача эксперта-лингвиста — исследование конфликтного речевого материала, продуцентом которого является подозреваемое (обвиняемое) лицо, на предмет наличия в нём негативной характеристики лица, выраженной в неприличной форме, а также анализ сведений, способствующих реконструкции коммуникативного события (места, времени, особенностей невербального поведения и т.д.). Данные задачи входят в пределы компе-

тенции лингвиста. Задача следователя, проводящего допрос, — отразить в официальных документах, представляемых эксперту в качестве материалов, содержащих сведения об объекте исследования, все компоненты, подлежащие исследованию, объективация которых в заключении эксперта способствует правомерной квалификации преступления. Так, исполнителю документа необходимо «дословно» отразить в протоколе допроса вторичное конфликтное высказывание[9], сохраняя его форму и содержание, не используя при этом различные средства эвфемизации (при наличии в высказывании ненормативной лексики); не заменяя слова, употребляемые допрашиваемым при передаче чужой речи, на их дефиниции или синонимичные выражения.

Обеспечение достоверности сведений, имеющихся в протоколе допроса и представляемых эксперту, — прямая задача представителя следственного органа, расследующего уголовное дело. Эксперт, выполняя иные функции в уголовном судопроизводстве, регламентированные статей 57 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, не участвует в процессе верификации сведений о событиях, полученных следователем в ходе допроса и изложенных им в протоколе допроса, соответственно, проблема достоверности/недостоверности сведений, полученных в ходе процессуального действия, не является лингвистической, её решение не входит в компетенцию эксперта-лингвиста. В настоящем исследовании назначение судебной лингвистической экспертизы считается целесообразным и допустимым только после проверки следователем сведений, полученных при допросе, на их соответствие объективной действительности. Проверка данных сведений предусмотрена действующим законодательством — УПК РФ. Так, назначение судебной лингвистической экспертизы допустимо только с учетом оценки следователем показаний как объективных, верифицированных согласно правовым методам.

При изучении текстов протоколов допроса в части, касающейся показаний допрашиваемого лица, выявлено наличие информации, существенной для отнесения описываемого события к преступлению или его исключения из разряда проступка, преследуемого по закону. В частности, из протокола допроса эксперт может почерпнуть информацию о конфликтной коммуникативной ситуации — месте и времени конфликта, его участниках, их статусе и функциях, а также получить све-

[9] Под вторичным конфликтным высказыванием мы понимаем новое речевое произведение, в котором его автором репродуцируются план выражения и план содержания прототипического конфликтного высказывания, имевшего место в речевой ситуации оскорбления.

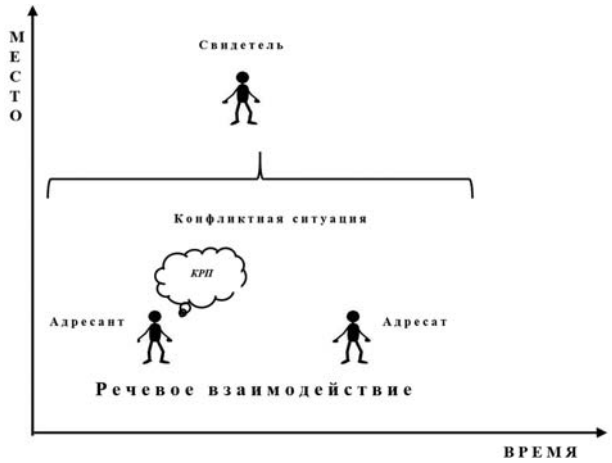
дения о вторичном конфликтном высказывании, являющемся предметом спора сторон. Так, сопоставительный анализ протоколов допроса позволил выявить актантную структуру взаимодействия участников коммуникативной ситуации оскорбления в соответствии с их процессуальным статусом и коммуникативной ролью:

адресант (подозреваемый/обвиняемый) — продуцент вербальной агрессии, сопряженной с оскорблением;

адресат (потерпевший) — получатель речевого сообщения с признаками вербальной агрессии;

свидетели — третьи лица, являющиеся наряду с адресантом реципиентами речевого сообщения с признаками вербальной агрессии, включенные в речевую ситуацию, но не являющиеся при этом объектом негативной оценки со стороны адресанта.

Стоит отметить, что всех участников рассматриваемой конфликтной ситуации можно условно разделить на две группы. Первая группа — группа продуцентов — представлена чаще всего одним участником — это адресант КРП, лицо, активно участвующее в коммуникации, ему принадлежат высказывания с элементами речевой агрессии. Вторая группа — группа реципиентов — представлена адресатом конфликтных высказываний и свидетелем, пассивным участником конфликта, способным передать информацию относительно обстоятельств увиденного и услышанного. Речевая ситуация оскорбления и ее участники представлены на рисунке.



Речевая ситуация оскорбления

Особого внимания заслуживает алгоритм занесения в протокол допроса сведений, касающихся реализации вторичного конфликтного речевого произведения. В протоколе допроса необходимо отразить информацию, касающуюся:

- места, в котором было произнесено конфликтное высказывание (с определением публичности/непубличности пространства коммуникации);
- участников коммуникации (с описанием их статуса и роли, особенностей взаимоотношений);
- вторичного конфликтного речевого, записанного со слов допрашиваемого с сохранением формы и содержания (ядерной вербальной зоны — маркированной инвективной лексики).

Кроме того, целесообразно проведение верификации противоречивых сведений, полученных от допрашиваемых лиц, например, путем проведения очной ставки.

Указанные выше рекомендации способствуют возможности проведения лингвистического исследования по протоколу допроса и должны учитываться лицами, ведущими допрос и фиксирующими полученные в ходе него сведения.

Подводя итоги по изучению вопроса использования экспертом различных источников сведений о конфликтном речевом произведении при производстве судебной лингвистической экспертизы, отметим «паллиативность» в настоящем процесса производства лингвистических экспертиз по протоколам допроса при расследовании уголовных дел о речевой агрессии, отсутствие признанного алгоритма исследования сведений о речевом деликте, зафиксированных в юридических документах, использование недостаточно действенных способов протоколирования показаний. Юридический статус протокола допроса как документа, в котором изложенные сведения имеют доказательственное значение, а их достоверность гарантируется органом, осуществляющим следствие, позволяет эксперту-лингвисту проводить исследование описанного в протоколе коммуникативного события. Проблемной зоной формирования следователем протокола допроса является форма фиксации речевого произведения без потери значимых смысловых элементов, существующие лакуны в правилах оформления, методах фиксации вербального содержания чужой речи с конфликтным компонентном, несущим в себе признаки неприличности, неуместности употребления в официальном документе, а также тенденция к использованию следователями при фиксировании КРП в протоколе допроса различных средств эвфемизации, приводящая к деформации или

полному уничтожению объекта исследования, и, следовательно, невозможности проведения экспертного исследования. Проведенным исследованием установлен минимальный перечень правил «формирования» описательной части протокола допроса при расследовании уголовных дел по делам об оскорблении, соблюдение которых позволит в дальнейшем провести судебную лингвистическую экспертизу.

Библиографический список

Бринев К.И. Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза. Барнаул, 2009.

Мамаев Н.Ю. Методические презумпции лингвистической экспертизы // Юрислингвистика. 2008. № 9.

Лингвистическая экспертиза текстов, ограниченно пригодных для исследования : метод. рекомендации / Т.В. Назарова, Е.А. Гримайло, А.В. Громова, А.В. Ростовская, П.А. Манянин. М., 2018.

Семантические исследования в судебной лингвистической экспертизе : метод. пособие / А.М. Плотникова, В.О. Кузнецов, И.И. Саженин и [др.]. М., 2018.

Судебная лингвистическая экспертиза по делам об оскорблении : научно-информационное пособие для экспертов / Т.М. Изотова, В.О. Кузнецов, А.М. Плотникова. М., 2016.

Типовая методика судебной лингвистической экспертизы : методические рекомендации / Е.А. Гримайло, Т.В. Назарова, Н.Ю. Мамаев, А.П. Коршиков, А.В. Ростовская. М., 2007.

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: текст с последними изменениями и дополнениями на 2 февраля 2020 года. М., 2020.

References

Brinev K.I. *Teoreticheskaya lingvistika i sudebnaya lingvisticheskaya ekspertiza* [Theoretical linguistics and forensic linguistic expertise]. Barnaul, 2009.

Mamaev N.Yu. *Metodicheskie prezumptsii lingvisticheskoy ekspertizy* [Methodological presumptions of linguistic expertise]. In: *Yurislingvistika* [Legal Linguistics]. 2008. No 9.

Lingvisticheskaya ekspertiza tekstov, ogranichenno prigodnykh dlya issledovaniya. Metodicheskie rekomendatsii [Linguistic expertise of texts that are of limited use for research. Methodical recommendation]. Edited by: T.V. Nazarova, E.A. Grimaylo, A.V. Gromova, A.V. Rostovskaya, P.A. Manyanin. Mooscow, 2018.

S*emanticheskie issledovaniya v sudebnoy lingvisticheskoy ekspertize: Metodicheskoe posobie* [Semantic Research in Forensic Linguistic Expertise: Methodological Guide]. Edited by: A.M. Plotnikova, V.O. Kuznetsov, I.I. Sazhenin. Moscow, 2018.

Tipovaya metodika sudebnoy lingvisticheskoy ekspertizy: Metodicheskie rekomendatsii [Typical Forensic Linguistic Expertise Methodology: Methodological recommendations]. Edited by: Grimaylo E.A., Nazarova T.V., Mamaev N.Yu., Korshikov A.P., Rostovskaya A.V. Moscow, 2007.

Ugolovno-protsessual'nyy kodeks Rossiyskoy Federatsii: tekst s poslednimi izmeneniyami i dopolneniyami na 2 fevralya 2020 goda [The Criminal Procedure Code of the Russian Federation: text with the latest amendments and additions as of February 2, 2020]. Moscow, 2020.